

УДК 929

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/47-58>

Д.С. Макаренко*

ФИГУРА АГВАНА ДОРЖИЕВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ**

В центре внимания статьи – фигура выдающегося бурятского общественного и религиозного деятеля конца XIX – начала XX вв. Агвана Доржиева (1853–1938). Автор рассматривает не только жизнь и деятельность Доржиева, но и метаморфозы исторической памяти о нем и отношения к его идеям как в Бурятии, так и в масштабах всей России.

Ключевые слова: Агван Доржиев, буряты, буддизм, Тибет, Буддийская традиционная сангха России (БТСР), Республика Бурятия

The figure of Agvan Dorzhiev in historical and contemporary Buryatia.
DANIIL S. MAKARENKO (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The article focuses on the figure of an outstanding Buryat public and religious figure of the late XIXth – early XXth century Agvan Dorzhiev (1853–1938). The author examines not only Dorzhiev’s life and work, but also the metamorphoses of historical memory of him and attitudes towards his ideas both in Buryatia and throughout Russia.

Keywords: Agvan Dorzhiev, Buryats, Buddhism, Tibet, Buddhist Traditional Sangha of Russia (BTSR), Republic of Buryatia

Введение

Буряты как один из приграничных народов России исторически занимали выгодное положение внутри государства и принимали активное участие в реализации восточной политики своей страны. После официального включения в состав Российской империи в 1727 г. бурятские казаки обороняли внешний периметр страны, торговая слобода Кяхта стала опорным пунктом российско-китайской торговли, а представители бурятского духовенства – связующей нитью в отношениях России с буддийским миром. На рубеже

XIX–XX вв. буряты оказали наиболее значительное влияние на азиатскую внешнюю политику России. Деятельность таких представителей бурятского народа, как П.А. Бадмаев, Г.Ц. Цыбыков и А. Доржиев, позволила Российской империи получить преференции в рамках тибетского периода «Большой игры» – геополитического соперничества с Великобританией за господство в Центральной Азии. Также известны истории бурятских казаков Ц. Бадмажапова и Д. Иринчинова, которые в это же время стали проводниками П.К. Козлова и Н.М. Пржевальского в их

* МАКАРЕНКО Даниил Сергеевич, аналитик Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, makarenkodanil121@gmail.com

© Макаренко Д.С., 2024

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

центральноазиатских экспедициях. Принадлежала одновременно к европейскому и азиатскому миру, буряты успешно использовали свой трансграничный потенциал и выступали буфером в отношениях между Россией и зарубежной Азией. Однако смена политического строя в России заметно изменила положение бурят внутри государства. Традиционная культура и религия народа, в связке с российским подданством составлявшие основу трансграничной деятельности его представителей, подверглись существенной модернизации. Между тем культурные связи бурят с другими народами Внутренней Азии оказались под угрозой уничтожения. Впрочем, распад СССР дал толчок для возрождения национальной культуры бурят и предоставил им возможность вновь занять буферное положение между Россией и странами Азии. Возрождение бурятской культуры длится вот уже более трех десятилетий, но процесс все еще далек от завершения. Основой развития национальной культуры народа и возвращения буферного статуса в отношении России со странами Азии может стать историческая память о великих бурятских деятелях прошлого.

Одним из таких деятелей по праву может считаться Агван Лобсан Доржиев (1853–1938), который занимался активной внешнеполитической деятельностью на стороне России в Тибете, Монголии и Китае, а также был одним из лидеров бурятского общества в конце XIX – начале XX вв. Доржиев развивал буддийскую религию и образование в Бурятии и за ее пределами, а также укреплял дружеские отношения между народами по всей Евразии. Будучи представителем азиатского мира и вместе с тем российским подданным, Доржиев способствовал сближению азиатской и европейской культур. При этом он стремился поместить буддийские народы России в ядро этого процесса и направить выгоду от своей деятельности в сторону своей малой родины – Бурятии. Несмотря на то, что его жизнь и деятельность достаточно подробно изучены отечественными и зарубежными авторами, в число которых входят и бурятские исследователи, ситуация вокруг наследия Доржиева, на наш взгляд, пока не нашла аналогичного отражения в научных и публицистических работах. Существуют исследования, посвященные книжному наследию Доржиева [25] и исторической памяти о нем в Бурятии [19], однако нельзя с уверенностью сказать, что проблема интерпретации его деятельности освещена в полной мере, а место Доржиева в

официальной повестке республики соответствует масштабам его идей и заслуг перед родиной. Между тем именно наследие Агвана Доржиева – общественного деятеля, укреплявшего положение Бурятии как центра взаимодействия культур – может помочь бурятам вновь обрести выгодный статус проводников восточной политики своего государства.

При этом ситуацию вокруг наследия Агвана Доржиева следует рассматривать в контексте не только современного национального возрождения в Бурятии, но и всего российского общества. Одной из главных целей национальной политики Российской Федерации является «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»). Согласно мнению отечественного антрополога В.А. Тишкова, «историописание – это основной питательный материал для всех вариантов национализма, этнического или гражданско-государственного», и одной из важнейших функций исторической памяти является «укрепление общей гражданской идентичности» [30, с. 16; 31, с. 70]. В зависимости от интерпретации деятельности исторических фигур их наследие может как способствовать консолидации общества, так и разделять его на группы. Соответственно, историческая память о национальных героях России может выступать одним из факторов воздействия на этническую и общегражданскую идентичность коренных народов страны и тем самым напрямую влиять на их взаимоотношения со своим государством. В свое время Агван Доржиев был одним из признанных лидеров бурят, оказавшим значительное влияние на развитие бурятского общества. По этой причине вопрос исторической памяти о нем в современной Бурятии представляется важным не только для развития национальной культуры бурят, но и для поддержания стабильности международных отношений в России.

Жизнь и деятельность Агвана Доржиева

Агван Доржиев родился в 1853 г. в улусе Хара-Шибирь Хоринской степной думы, который в настоящее время находится в Заиграевском районе Республики Бурятия. До восемнадцати лет юноша служил в Степной думе и даже успел жениться и обзавестись домашним хозяйством, но уже через год был посвящен в монахи и отправился на учебу

в «страну снегов» – Тибет. В 1888 г. он закончил обучение в Брайбунской буддийской академии и получил высокую степень геше-лхарамба – «так [я] прославился» [15, с. 46]. За выдающиеся способности Доржиев удостоился чести стать учителем Далай-ламы XIII Тубтэна Гьяцо (1876–1933) и начал преподавать юному первосвященнику буддийскую философию и историю. В течение следующих десяти лет Доржиев постепенно становился «важной фигурой на политической карте Тибета» [14, с. 6] и старался убедить тибетскую аристократию сотрудничать с Российской империей, чтобы уберечь страну от грядущей агрессии Китая и Великобритании [17]. В результате именно он сыграл важную роль в сближении своих «духовной» и реальной родин.

К концу XIX вв. Тибет, формально находящийся в составе Цинской империи, оказался в эпицентре событий «Большой игры» России и Великобритании, стремившихся установить свое влияние в регионе. Тибетцы решили использовать интерес европейских держав себе на пользу. В попытке повысить международный авторитет страны и оградить ее от полномасштабной экспансии с любой из сторон Далай-лама решил установить дипломатические отношения с Российской империей, которая могла защитить Тибет от агрессии соседних стран, но не могла претендовать на его территорию ввиду ее географической удаленности. Исполнителем миссии по установлению дружественных отношений с Россией стал Агван Доржиев. Он активно помогал агентам российской разведки на территории Тибета. Известно, что весной 1895 г. в Лхасу под видом паломников отправились торговые агенты со стороны России – буряты Очир Жигжитов и Дугар Ванчинов, за помощь которым Доржиеву были пожалованы золотые часы «с вензельным изображением Высочайшего имени» [3, с. 14; 5, с. 72]. В 1898 г. Доржиев впервые приехал в Петербург в качестве представителя Далай-ламы XIII и был принят Николаем II. Российский государь и его министры позитивно восприняли его предложения, однако не приняли никаких серьезных мер по установлению прямого диалога с тибетцами, поскольку правительство «опасалось быть втянутым в дальневосточные предприятия, грозившие обострением отношений России как с Японией, так и с Англией» [35, с. 26]. Доржиев посетил еще несколько европейских государств и вернулся в Лхасу в конце 1899 г. В марте следующего года он вновь отправился в Россию, чтобы

доставить Николаю II предложение Далай-ламы XIII установить дружественные отношения между странами [24, с. 35–36].

Следующее посольство Доржиева в Петербург состоялось в 1901 г. и, по мнению историка А.И. Андреева, «явилось кульминацией его членочной дипломатической деятельности, приведшей к русско-тибетскому сближению. Петербург, несмотря на свои колебания, пошел навстречу пожеланиям Лхасы – правда, не так далеко, как ей этого хотелось» [5, с. 95]. В 1903–1904 гг. английские войска совершили военную интервенцию в Тибет. Далай-лама был вынужден бежать в монгольскую Ургу, где не оставлял попыток активизировать «тибетский вектор» политики России через своего приближенного Доржиева [24, с. 66, 75–78]. Однако все попытки первосвященника заставить российский МИД занять четкую союзническую позицию в отношении Тибета потерпели неудачу. Обострение политической ситуации на Дальнем Востоке, которое переросло в войну с Японией, а также необходимость формировать союзнические отношения с Великобританией из-за накаляющейся обстановки в Европе значительно сдерживали амбиции страны в Тибете. Согласно историку Т.Л. Шаумян, в этот период «российская дипломатия продолжила давать Далай-ламе обещания помощи, однако на деле Россия уже не хотела, да и не могла оказать ее» [35, с. 198]. Таким образом, международная обстановка, в которой оказалась Россия, не способствовала осуществлению планов Доржиева по сближению с Тибетом. В 1907 г. Россия и Великобритания подписали соглашение, направленное на решение региональных противоречий между странами, и договорились «воздерживаться от любого вмешательства» во внутренние дела Тибета и вести дела с Лхасой только через верховные власти Китая» [33, с. 259]. XIII Далай-лама смог вернуться в свою резиденцию лишь во время Синьхайской революции в 1911 г. Через два года он провозгласил полную независимость Тибета от Китая, продлившуюся вплоть до 1951 г., пока регион не стал частью Китайской Народной Республики (КНР), возглавляемой Мао Цзэдуном. В результате дипломатическая деятельность Доржиева в конце XIX – начале XX вв. так и не привела к полному сближению России и Тибета, но его посольства во многом позволили стране заявить права на дружественные отношения с Далай-ламой, затормозить экспансию Великобритании вглубь Центральной Азии, а также укрепить международное положение буддийских народов империи. И хотя

царская администрация старалась увеличить свое присутствие на Востоке, в этот период Тибет, по мнению петербургских чиновников, не входил в сферу приоритетных направлений внешней политики государства, поэтому Россия не воспользовалась подаренной Доржиевым возможностью усилить свое влияние на этой территории.

Несмотря на то что дипломатические планы Доржиева не были полностью реализованы, он смог воспользоваться своим положением при дворе, чтобы улучшить положение буддистов России. В начале века он добился согласия императора Николая II на строительство буддийского храма в Петербурге. Дацан возводили с 1909 по 1915 гг., причем часть расходов на строительство покрыли лично Далай-лама XIII и сам Доржиев [2, с. 15]. Стараясь поддержать буддийские народы России, в 1907 г. Доржиев подал в МИД записку «о более тесном сближении с Монголией и Тибетом», призывая правительство принять меры по укреплению культурно-экономических связей между этими странами на российских началах [6, с. 57]. Он считал, что монгольские народы находятся в центре взаимодействия Европы и Азии, и старался объединить их для того, чтобы они могли позитивно влиять на международные отношения и отстаивать свои интересы во взаимоотношениях с глобальными силами. Одним из главных факторов консолидации монгольских народов был буддизм тибетского толка, поэтому Доржиев активно проповедовал учение Будды в Бурятии и Калмыкии, открывал новые буддийские школы, дацаны и центры медицины. При этом он нередко покупал и вывозил в Россию предметы из священных кладовых Тибета. Своему родному дацану – Ацагатскому – он, например, подарил «Атлас тибетской медицины» [12]. В 1920-е гг. Доржиев предпринял попытку реформировать монгольскую письменность и создал собственный алфавит «Вагиндра», а также открыл в Бурятии первую типографию по европейскому образцу [1, с. 100]. Однако впоследствии эта письменность так и не получила широкого распространения.

Вместе с тем Агван Доржиев участвовал в общественно-политической жизни Бурятии. В 1905 г. он принимал участие в деятельности Бурятского национального комитета, а в 1916 г. – Общебурятского комитета Забайкальской и Иркутской областей. Он стал одним из лидеров т.н. «обновленческого» движения бурятского буддизма, представители которого старались модернизировать религию и в то же время вернуться к истокам учения, очистить его от более поздних наслоений. После

установления советской власти в Бурятии «обновленцы» и Доржиев старались сохранить буддизм в рамках советской системы. Вместе с главой буддистов Бурятии XII Хамбо-Ламой Д.Д. Итигэловым он был председателем и членом комиссий во время общественных и религиозных съездов бурят [10]. Стараясь преодолеть барьер между буддийскими народами и новой атеистической властью, в Ленинграде он вел полемические беседы с лидерами СССР. Нарком просвещения Луначарский, сам высокий интеллект, так высказывался об Агване Доржиеве: «Когда мы беседуем с Доржиевым, нам, большевикам, необходима полная мобилизация нашего интеллекта для того, чтобы быть на высоте» [34].

На начальном этапе построения СССР Доржиев старался нормализовать отношения молодого советского государства и Тибета. Он оставался доверенным лицом Далай-ламы и выполнял функции «полномочного представителя Тибета в СССР», а Петербургский дацан получил статус «Тибето-Монгольской миссии» [32, с. 53]. Ему удалось организовать три секретные советские миссии, которые посетили «страну снегов» в 1922, 1924 и 1927 гг. [5, с. 241–247, 262–269, 291–294]. Вместе с тем Доржиев помогал молодым бурятам и калмыкам выезжать в Тибет на учебу: известно, что в 1923 г. он лично отправил туда группу из десяти хуvaraков (послушников), семь из которых благополучно добрались до пункта назначения и впоследствии стали знаменитыми ламами [12]. В основе сотрудничества Доржиева с атеистической властью лежало желание сохранить буддийскую общину в СССР, и в начале 1920-х гг. правительство действительно не оказывало серьезного давления на буддистов. Однако уже к концу десятилетия «религиозные общины Бурятии и Калмыкии стали подвергаться беспрецедентному экономическому и административному нажиму, проводилась антибуддийская пропаганда» [26, с. 43]. Большевики уничтожали дацаны и предметы культа, подвергали лам репрессиям, по сути полностью искореняя буддийскую жизнь в Бурятии и Калмыкии [14, с. 14–15]. Доржиев боролся за то, чтобы сохранить буддизм в СССР, и направлял множество писем в правительственные инстанции, но постепенно его отношения с НКВД становились «все более натянутыми и холодными», а в 1936 г. наркомат и вовсе отказался продлить его служебное удостоверение [4, с. 94]. 2 ноября 1937 г. Доржиев переехал из Ленинграда в Улан-Удэ, где через несколько дней был арестован местными властями. Его обвинили в руководстве контрреволюционной пан-

монгольской террористической повстанческо-диверсионной шпионской организацией. В ходе расследования его подвергли пыткам, и следствием одного из таких допросов стал «паралич сердца», отчего обвиняемого увезли в тюремную больницу, где он и скончался 2 февраля 1938 г. в возрасте 84 года, так и не осужденный за свою недоказанную «антисоветскую» деятельность [29, с. 8].

Агван Доржиев навсегда оставил свой след в истории России как талантливый дипломат, буддийский учитель и общественный деятель. Его жизнь пришлась на время, когда Российская империя, а позже и Советский Союз, вели активную внешнюю политику на восточном направлении. Но даже при том влиянии, которое он имел у себя на родине, в столичных кругах и за рубежом, его идеи не были полностью реализованы. Царское правительство использовало дипломатические способности Доржиева для поддержания дружеских отношений с Тибетом, чтобы увеличить свое влияние в Центральной Азии. Однако полное сближение с тибетским государством, которого добивался Доржиев, не состоялось из-за сложного международного и внутривнутриполитического положения, в котором находилась империя в начале XX в. Советский Союз на начальном этапе также использовал его дипломатические способности, чтобы увеличить свой престиж в странах Азии и распространить коммунистические идеи среди местных жителей. Вместе с тем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политика СССР изменилась: в стране началась массовые репрессии против духовенства, а также сменились внешнеполитические приоритеты страны, что положило конец планам Доржиева [5, с. 319–320]. В конце 1930-х гг. его деятельность была признана террористической, а он сам, как и множество других буддистов, подвергнут репрессиям. В результате нельзя с уверенностью сказать, что Доржиев пользовался достаточным доверием царской и советской администраций, чтобы воплотить в жизнь свои планы, но его дело соответствовало «духу времени» и тем задачам, которые в этот период встали перед Россией на Востоке. Его предложения, возможно, оказались даже более масштабными, чем планы правительств его страны, что в конечном итоге негативно сказалось на его судьбе.

Историческая память и современные трактовки деятельности

В СССР имя Агвана Доржиева было под запретом среди бурят, поскольку его внешнеполитическая и религиозная деятельность считалась антисо-

ветской. Несмотря на то что с 1946 г. в Бурятии появилось Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ), официальная буддийская жизнь в республике фактически прекратила свое существование еще в 1930-х гг. Тибетский буддизм как важная часть идентичности бурят был отвергнут советским обществом, что негативно сказалось на отношениях государства с буддийскими народами за его пределами. При этом задача расширить свое присутствие в Азии требовала от советского правительства следовать внешнеполитическому курсу, заданному Доржиевым, и использовать буддистов во внешней политике страны. С 1950-х гг. деятельность ЦДУБ была направлена на «налаживание взаимодействия с буддистами за рубежом и пропаганду достижений тех народов Советского Союза, что исповедовали эту религию» [20, с. 237]. Однако международная деятельность ЦДУБ была недостаточно широкой, чтобы выполнить поставленные задачи, поскольку номенклатурные буддисты не могли заменить настоящих буддистов, на протяжении нескольких веков приносивших пользу стране. Вместе с тем в 1933 г. ушел из жизни XIII Далай-лама, склонный к ведению дружественной политики по отношению к России. Новый Далай-лама XIV Тензин Гьяцо (род. 1935) не мог установить прямые отношения с советскими буддистами и впервые посетил страну только в конце 1970-х гг. В 1959 г. он бежал из Тибета за рубеж из-за конфронтации с руководством КНР, в результате чего центр тибетского буддизма разделился на «географический» и «духовный». Первый остался территорией в составе Китая, а второй сконцентрировался вокруг первосвященника и его окружения и стал достоянием всего мира [21]. Поскольку СССР в тот период находился в конфронтации с руководством Китая, изолировавшим тибетский регион, а буддийские народы страны не имели возможности установить прямой контакт с Далай-ламой, государство всего за несколько десятилетий полностью утратило инициативу в отношениях с первосвященником и буддийским миром.

Примечательно, что первым учителем тибетского буддизма в США стал ученик Агвана Доржиева – калмык Нгаванг Вангъял, отправленный им в Тибет в начале 1920-х гг. В 1955 г. он с благословения Далай-ламы XIV прибыл в США, открыл первый в стране тибетский монастырь и основал общину Гелуг на Западе [8; 28, с. 235]. Геше Вангъял стал преподавать в Колумбийском университете в Нью-Йорке и подготовил множество известных буддистов и буддологов [7, с. 64]. В их

числе – Роберт Турман, который стал первым американцем, получившим посвящение в монахи от Далай-ламы, а также основателем и президентом влиятельной буддийской организации – Тибетского дома в США (1987). И пока Геше Вангъял за рубежом выполнял одну из задач, которые ставил перед собой его учитель: сближать европейскую и азиатские культуры, на родине наследие великого дипломата оставалось под запретом. Хотя даже в этот период небольшие группы паломников приезжали в Хара-Шибирь, чтобы почтить память одного из лидеров бурятского общества старой эпохи (Полевые материалы автора, далее – ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). Доржиев был частично реабилитирован только в 1957 г. за недостаточностью улик, а полная реабилитация за отсутствием состава преступления произошла уже на закате советского государства 14 мая 1990 г. [4].

После распада СССР в Бурятии началось возрождение традиционной культуры и религии. Фигура Агвана Доржиева получила шанс вернуться в авангард общественной повестки. В 1991–1992 гг. Далай-лама XIV дважды посетил буддийские регионы России – Бурятию и Калмыкию. Оказавшись в Бурятии, первосвященник отправился на малую родину своего учителя в с. Хара-Шибирь, где указал, что «Доржиев достоин значительного по размерам памятника-ступы» [18]. В том же году был возведен целый комплекс построек: субурган высотой 10 м, окруженный семью малыми субурганами. Кроме того, Далай-лама освятил место будущего строительства Ацагатского дацана, на территории которого в 1999 г. открылся дом-музей, посвященный его учителю [19, с. 192]. При участии администрации дацана, общественных деятелей и местных жителей в 1990-е гг. был основан Республиканский фонд Агвана Доржиева, по ходатайству которого в 2003 г. в Бурятии была учреждена новая награда – медаль Агвана Доржиева. Таким образом, именно Далай-лама XIV запустили процесс восстановления памяти о Доржиеве на его малой родине.

В другой буддийский регион страны, Калмыкию, Далай-лама приехал в сопровождении своего последователя – американца калмыцкого происхождения Тэло Тулку Ринпоче (Эрдни Омбадыкова), который впоследствии был избран верховным главой буддистов Калмыкии. Первосвященник лично участвовал в восстановлении буддизма в этой республике, и с его помощью она вновь обрела статус «важнейшего центра буддизма север-

ной Евразии» [21, с. 295]. С начала 1990-х гг. буддисты Калмыкии стали активно приглашать в республику тибетских лам, связанных с Далай-ламой и его окружением, желая «обучиться основам философии и религиозной деятельности» [9, с. 117], тем самым как бы восстанавливая утраченную связь с международным буддийским миром. Однако в Бурятии, в отличие от Калмыкии, религиозное возрождение произошло без прямого участия первосвященника. Вероятно, на это повлияла позиция российского правительства, которое не признало статус посадника Далай-ламы в Калмыкии, старалось не вносить напряженность в отношениях с Китаем, и поэтому нуждалось в буддийском лидере, который смог бы оградить российских верующих от «духовного» и «географического» Тибета.

В 1995 г. новым главой буддистов Бурятии, Хамбо-ламой, был избран Дамба Бадмаевич Аюшеев. Через два года с целью централизации буддийских общин была создана новая религиозная организация – Буддийская традиционная сангха России (БТСР), главой которой стал Хамбо-лама [20, с. 247, 252]. Руководство организации не сотрудничало с Далай-ламой напрямую и находилось в оппозиции по отношению к приезжающим в Россию тибетским ламам. Со второй половины 1990-х гг. БТСР и тибетские ламы начали борьбу за паству и влияние, и это противостояние продолжается до наших дней [22]; (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.; ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.). Руководству БТСР требовалось увеличить авторитет локальной традиции в обход исторических связей с Тибетом. Для этого местные священнослужители обратились к национальным символам, выражающим независимость и самодостаточность бурятского буддизма. Ключевым событием этого периода стало обретение в 2002 г. тела XII Хамбо-ламы Д.Д. Итигэлова, который «никогда не был на Тибете, не учился там и тем не менее достиг столь выдающейся реализации» [27, с. 96]. Как признавались во время интервью сами бурятские священнослужители, до 2002 г. XII Хамбо-лама не был широко известен в Бурятии, но феномен обретения нетленного тела сделал его узнаваемой святыней обновленного бурятского буддизма, ориентированного на местную традицию (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.; ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.).

Очевидно, что для сторонников Хамбо-ламы Д.Б. Аюшеева, старающихся дистанцироваться от Тибета и всего с ним связанного, фигура Агвана Доржиева выглядела неоднозначно. Несмотря на то, что после распада СССР вышло множество научных и общественных работ, посвященных деятельности Доржиева и сам Далай-лама принимал участие в восстановлении его наследия, в официальной религиозной повестке Бурятии, формируемой преимущественно БТСР, ему не уделялось значительного внимания. Важную роль в этом сыграл сам Д.Б. Аюшеев, который неоднократно «подвергал сомнению историческое наследие Доржиева» и публично критиковал его [20, с. 243]. Такая позиция Хамбо-ламы вызвала разногласия между ним и его оппонентами внутри буддийского сообщества Бурятии. Тарба Доржиев, глава Ацагатского дацана, которому «принадлежит инициатива создания фонда Агвана Доржиева и именной медали великого учителя» [23], даже назвал Аюшеева «раскольником» в связи с принижением роли Доржиева и других «выходцев из Ацагатского дацана» в истории Бурятии [13]. Примечательно, что Ацагатский дацан не входит в БТСР. Более того, созданный при участии его главы фонд Агвана Доржиева участвует в кампаниях по поддержке борьбы «тибетского народа за независимость от коммунистического Китая» [11, с. 131] и тем самым ставит под сомнение дипломатическую позицию российского правительства по невмешательству во внутреннюю политику КНР. Кроме того, Доржиев является выходцем из современного Шулуутского дацана, который был построен на месте разрушенного при советской власти оригинального Ацагатского дацана (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). При этом Музей Доржиева в его родном селе Хара-Шибирь, который не относится к Ацагатскому дацану и мог бы выступать альтернативной точкой притяжения для паломников и туристов со стороны БТСР, тоже не пользуется поддержкой Сангхи и местной администрации, а его заведующая Х.Ч. Цыдыпдоржиева собирает экспонаты для коллекции музея самостоятельно [19]; (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). В результате того, что заслуги Доржиева не были признаны буддийским руководством республики, внутривластные соперники БТСР получили возможность использовать его фигуру для того, чтобы показать свою преемственность с местной традицией и привлечь паству.

Как мы уже упоминали ранее, исторически тибетский буддизм был важным культурным ресурсом бурят и калмыков, составлявшим основу их взаимопонимания с другими народами Внутренней Азии. Агван Доржиев был одним из бурятских деятелей, использовавших этот ресурс, чтобы улучшить положение буддийских народов России и решать внешнеполитические задачи России на восточном направлении. Однако в постсоветский период религиозная элита Бурятии выбрала курс на «суверенизацию» буддизма, тем самым ограничив собственную возможность взаимодействовать с международным буддийским сообществом, а глава буддистов республики неоднократно подвергал критике одного из исторических лидеров бурятского общества, напрямую связанных с Тибетом, – Агвана Доржиева. В результате идеи и заслуги Доржиева, которые, безусловно, находят отклик в современном обществе (подтверждением тому служат посвященные ему научные и общественные работы, культовые объекты и регулярные конференции в его честь [16]), все еще не признаны до конца. К сожалению, ситуация не изменилась и в наши дни, хотя глава государства В.В. Путин анонсировал разворот страны на Восток, и именно коренные народы азиатской части России, в частности буряты, благодаря своим культурным историческим связям с другими народами Азии вновь могут сыграть важную роль в реализации восточной политики страны.

В рамках открытой политики по отношению к буддийским народам Азии с 17 по 19 августа 2023 г. в столице Бурятии г. Улан-Удэ был организован Международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности», в котором приняли участие представители 13 буддийских стран. Участники форума обсудили вопросы международного сотрудничества стран с традиционно буддийским населением, сохранения и развития буддизма в современных условиях, а также сохранения культурно-исторического наследия буддийского мира. В то же время фигуре Агвана Доржиева не было уделено внимания ни на одном пленарном заседании, даже когда участники дискуссии обсуждали события, напрямую связанные с его личностью, например, появление в Бурятии «Атласа тибетской медицины» (ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.).

Наследие Доржиева сохранилось не только на его малой родине, но и в Санкт-Петербурге, где он

непосредственно оказывал влияние на международные отношения и внутригосударственное положение буддистов. С 2004 г. фонд поддержки и развития бурятской культуры «Ая-Ганга» и Санкт-Петербургский дацан при поддержке других общественных организаций проводят в его честь Доржиевские чтения. Они проходят как в европейской части России – Санкт-Петербурге, так и в азиатской – Бурятии, а их участниками становятся не только академические исследователи, но и буддийские ученые [16]. Также 14 июля 2004 г. в Санкт-Петербургском дацане «Гунзэчойнэй» была открыта мемориальная доска, посвященная Доржиеву. Кроме того, частью алтарной композиции петербургского дацана является памятная статуя Доржиева, парная к статуе Д.Д. Итигэлова. Хотя изначально была установлена только статуя XII Хамбо-ламы, а вторую статую не удалось установить из-за ограничений, спровоцированных пандемией, в 2022 г. она все же появилась на алтаре (ПМА. Санкт-Петербург. 2022 г.). Интересно, что парные статуи двух лидеров бурятских буддистов, в современных реалиях ставших символами «суверенной» (Итигэлов) и направленной вовне (Доржиев) политики духовенства Бурятии, были установлены именно в Санкт-Петербургском дацане, который входит в БТСР и одновременно открыт к сотрудничеству с международным буддийским сообществом. Хочется надеяться, что это знак надвигающейся «оттепели» в отношениях между буддийским руководством Бурятии и международным буддийским миром.

Заключение

Агван Доржиев был одним из лидеров буддистов страны на рубеже XIX–XX вв. Его деятельность была направлена на укрепление отношений между Россией и странами Азии. При этом он не только положительно влиял на отношения между государствами, но и развивал буддийскую религию в Бурятии и Калмыкии, тем самым поддерживая исторические культурные связи буддийских народов России с другими народами Азии. Те задачи, которые ставил перед собой Доржиев, соответствовали общей направленности открытой внешней политики его государства на Востоке и позволяли реализовать выгодное буферное положение Бурятии в отношениях России со странами Азии. В результате сами буряты, сохранявшие и преумножавшие свои культурные традиции и международные контакты, и российское государство, получившее к себе на службу представителей этого народа, ста-

новились выгодоприобретателями такого сотрудничества. Несмотря на то, что Доржиев, будучи учителем и приближенным Далай-ламы XIII, открыл для государства возможность значительно увеличить свое влияние среди буддийских народов Азии, правительство не воспользовалось ей в полной мере. Царская администрация высоко ценила и использовала его дипломатические способности, которые принесли России выгоду на восточном направлении, но ввиду сложной международной обстановки, в которой государство находилось в начале XX в., Россия не могла установить еще более дружественные отношения с Монголией и Тибетом, чего непосредственно добивался Доржиев. В ранний советский период он помогал большевикам налаживать отношения с Тибетом, который советское правительство рассматривало «в качестве плацдарма для нанесения удара по британскому империализму в Индии» [5, с. 247]. Однако смена политического курса СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. привела к искоренению буддизма в Бурятии и Калмыкии, вследствие чего буддийское духовенство и верующие, в т.ч. и сам Агван Доржиев, были репрессированы. Парадоксально, но в послевоенный советский период правительство следовало его курсу по укреплению связей со странами Азии, хотя сама личность дипломата находилась под запретом. В период демократизации советского общества в 1980-х гг. и после распада СССР фигура Доржиева получила шанс на реабилитацию в глазах общественности, но негативная оценка его деятельности со стороны буддийского руководства Бурятии не позволила полностью раскрыться его наследию, а самому дипломату – вновь обрести статус народного героя.

Интересно, что отношение к личности и идеям Доржиева во многом зависит от внешнеполитического курса, которому следует центральное правительство страны и руководство Бурятии. В результате его общественная и дипломатическая деятельность, направленная на благо Родины, после смерти Доржиева так и не была признана официальным буддийским руководством республики. Со второй половины 1990-х гг. российское правительство стремится не проводить на своей территории мероприятия, которые могут негативно повлиять на отношения с КНР, и сохраняет сдержанную позицию в отношении Далай-ламы, а официальная религиозная элита Бурятии в лице БТСР также ведет «закрывающую» политику по отношению к первосвященнику и международному буддийскому сообществу. Глава бурятских буддистов Д.Б. Аю-

шеев подвергает Доржиева критике, и главное место в официальной религиозной повестке республики, сформированной преимущественно БТСР, занимает XII Хамбо-лама Д.Д. Итигэлов. В то же время интерес к жизни и деятельности Доржиева проявляют общественные и научные организации как в Бурятии, так и за пределами республики, что подтверждает актуальность его наследия в современном российском и бурятском обществе. В наши дни ситуация вокруг фигуры Доржиева вызывает дополнительное беспокойство, поскольку современная интерпретация его деятельности со стороны буддийского руководства Бурятии идет вразрез с новой стратегией ведения Россией активной внешней политики на Востоке, чему он и способствовал в свое время. Фигура Доржиева может стать успешным примером для нынешних жителей и руководства Бурятии, позволив им вооружиться его опытом, чтобы еще более эффективно использовать свой этнический ресурс на пользу России. Для того чтобы это произошло, буддийскому руководству республики следует восстановить историческую справедливость в отношении великого дипломата, признать заслуги Агвана Доржиева и поспособствовать его скорейшему возвращению в официальную повестку Бурятии. В этом случае Хамбо-лама и его сторонники не только устранят напряженность по отношению к своему прошлому и разногласия со своими внутривластными оппонентами, но и получат возможность транслировать свои идеи «вовне» и использовать фигуру Доржиева для увеличения собственного международного престижа. Прежде всего, правильная интерпретация исторической памяти о Доржиеве как об одном из великих деятелей бурятского народа имеет потенциал укрепить общегосударственную и этническую идентичность жителей Бурятии, а также повысить статус бурят внутри российского государства, поскольку в очередной раз проиллюстрирует вклад бурятского народа в историю России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангаева С.П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1999.
2. Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992.
3. Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX в. (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.: Самара, 1997.
4. Андреев А.И. Уход Агвана Доржиева // Альманах Orient. 1998. Вып. 2–3. С. 93–105.
5. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; Нартанг, 2006.
6. Андреев А.И. Тибето-монгольский проект Агвана Доржиева // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества. СПб.: Петрополис, 2021. С. 56–67.
7. Аюшеева Д.В. Тибетский буддизм в Северной Америке // Религиоведение. 2013. № 3. С. 63–70.
8. Аякова Ж.А. О тибетском буддизме в США // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2015. № 1. С. 83–85.
9. Бакаева Э.П. Калмыцкие буддисты и Далай-лама XIV: страницы истории Калмыкии 1992 года // Новый исторический вестник. 2018. № 3. С. 111–122.
10. Бардуева Т.Ц. Пандито хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов и обновленческое движение в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 8. С. 165–168.
11. Ванчикова Ц.П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии республики // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 128–135.
12. Дагбаев Э.Д. Агван Доржиев в истории Российского государства: учебное пособие для вузов. Улан-Удэ: Бэлиг, 2005.
13. Дамбу Аюшеева назвали главным раскольников буддизма в Бурятии. URL: <https://baikal24.ru/text/29-06-2010/dambu/>
14. Дамдинов А.В., Чимитдоржиев Ш.Б. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: Бэлиг, 2010.
15. Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). М.: Восточная литература, 2003.
16. Доржиевские чтения. URL: <https://ayaganga.ru/доржиевские-чтения/>
17. Заятуев Г.З. Цанид-Хамбо Агван Доржиев (1853–1938 гг): жизнеописание. Улан-Удэ: Объединение детских писателей Бурятии, 1991.
18. Миронова Г.А. Агван Доржиев и ступа, возведенная в память об Учителе Далай ламы XIII // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 33–35.

19. Митыпова Г.С. Историческая память: заповедные и достопримечательные места, связанные с именем Агвана Доржиева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. VII Доржиевские чтения. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 189–197.

20. Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСА РАН, 2023.

21. Михалев М.С. Тибет в картине мира калмыков: от страны к метафоре // Ойраты и Тибет. Историческое наследие и современные перспективы: СПб.: Петербургское востоковедение, 2023. С. 287–309.

22. Намсараева С.Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 58–88.

23. Реликвии Ацагатского дацана. URL: <https://arigus.tv/news/culture/52376-relikvii-atsagatskogo-datsana/>

24. Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914. М.: Восточная литература, 2005.

25. Сизова А.А. Книжное наследие Агвана Доржиева // Агван Доржиев. Ученый и дипломат, принесший буддизм в сердце России. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2022. С. 38–45.

26. Сипейкин А.В. Деятельность А. Доржиева в 1920-е гг. в информационных документах ОГПУ // История и архивы. 2023. № 2. С. 37–52.

27. Соколова С.А. Буддийские реликвии как основа создания этнополитического мифа: новый взгляд на особенности религиозного возрождения в Бурятии // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 92–100.

28. Терентьев А.А. Намнанэ-лама, учитель А. Доржиева и С. Цыденова // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 1. С. 227–237.

29. Тиваненко А.В. «Желаю свержения Советской власти»: неизвестные страницы из жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Баргуджин-Токум, 2017.

30. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 4–16.

31. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4. С. 62–71.

32. Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

33. Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004.

34. Цанид-Хамбо Агван Доржиев: документальный фильм (2006). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jni1G78Ydpw>

35. Шаумян Т.Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

REFERENCES

1. Angaeva, S.P., 1999. Buddizm v Buryatii i Agvan Dorzhiev [Buddhism in Buryatia and Agvan Dorzhiev]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

2. Andreev, A.I., 1992. Buddiiskaya svyatynya Petrograda [The Buddhist shrine of Petrograd]. Ulan-Ude: EkoArt. (in Russ.)

3. Andreev, A.I., 1997. Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy: Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nyu Aziyu v pervoi polovine XX v. (Buryatiya, Mongoliya, Tibet) [From Baikal to holy Lhasa: New materials on Russian expeditions to Central Asia in early XXth century (Buryatia, Mongolia, Tibet)]. Sankt-Peterburg: Samara. (in Russ.)

4. Andreev, A.I., 1998. Ukhod Agvana Dorzhieva [Agvan Dorzhiev's passing], Al'manakh Orient, Vyp. 2–3, pp. 93–105. (in Russ.)

5. Andreev, A.I., 2006. Tibet v politike tsarskoi, sovetkoi i postsovetkoi Rossii [Tibet in the politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; Nartang. (in Russ.)

6. Andreev, A.I., 2021. Tibeto-mongol'skii proekt Agvana Dorzhieva [Tibeto-Mongolian project of Agvan Dorzhiev]. In: Mongoliya – Rossiya: vek nezavisimosti – vek sotrudnichestva. Sankt-Peterburg: Petropolis, 2021, pp. 56–67. (in Russ.)

7. Ayusheeva, D.V., 2023. Tibetskii buddizm v Severnoi Amerike [Tibetan Buddhism in North America], Religiovedenie, no. 3, pp. 63–70. (in Russ.)

8. Ayakova, Zh.A., 2015. O tibetskom buddizme v SShA [About Tibetan Buddhism in the USA], Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V.R. Filippova, no. 1, pp. 83–85. (in Russ.)

9. Bakaeva, E.P., 2018. Kalmytskie buddisty i Dalai-lama XIV: stranitsy istorii Kalmykii 1992 goda [Kalmyk Buddhists and Dalai Lama XIV: pages of the history of Kalmykia in 1992], Novyi istoricheskii vestnik, no. 3, pp. 111–122. (in Russ.)

10. Bardueva, T.Ts., 2010. Pandito khambo lama Dashi-Dorzho Itigelov i obnovencheskoe dvizhenie v Buryatii [Pandito Khambo Lama Dashi-Dorzho Itige-

lov and the renewal movement in Buryatia], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, no. 8, pp. 165–168. (in Russ.)

11. Vanchikova, Ts.P., 2012. Tibetsy v Buryatii: novyi fenomen v etnicheskom i kul'turnom mnogoobrazii respubliki [Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in republic's cultural and ethnic diversity], Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vosto-kovedenie, no. 2, pp. 128–135. (in Russ.)

12. Dagbaev, E.D., 2005. Agvan Dorzhiev v istorii Rossiiskogo gosudarstva: uchebnoe posobie dlya vuzov [Agvan Dorzhiev in the history of Russia: a text-book]. Ulan-Ude: Belig. (in Russ.)

13. Dambu Ayusheeva nazvali glavnym raskol'nikom buddizma v Buryatii [Damba Ayusheev was called the main dissenter in Buryatian Buddhism]. URL: <https://baikal24.ru/text/29-06-2010/dambu/> (in Russ.)

14. Damdinov, A.V. and Chimitdorzhiev, Sh.B., 2010. Agvan Dorzhiev – vydayushchiysya religiozniy i obshchestvenno-politicheskii deyatel' [Agvan Dorzhiev, a prominent religious and socio-political figure]. Ulan-Ude: Belig. (in Russ.)

15. Dorzhiev, A., 2003. Zanimatel'nye zametki: Opisanie puteshestviya vokrug sveta (Avtobiografiya) [Interesting notes: Description of a trip around the world (Autobiography)]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

16. Dorzhievskie chteniya [Dorzhiev readings]. URL: <https://ayaganga.ru/доржиевские-чтения/> (in Russ.)

17. Zayatuev, G.Z., 1991. Tsanid-Khambo Agvan Dorzhiev (1853–1938 gg): zhizneopisanie [Tsanid-khambo Agvan Dorzhiev (1853–1938): a biography]. Ulan-Ude: Ob'edinenie detskikh pisatelei Buryatii. (in Russ.)

18. Mironova, G.A., 2012. Agvan Dorzhiev i stupa, vozvedennaya v pamyat' ob Uchitele Dalai lamy XIII [Agvan Dorzhiev and the monument built in memory of Guru Dalai Lama XIII], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 7, pp. 33–35. (in Russ.)

19. Mitypova, G.S., 2018. Istoricheskaya pamyat': zapovednye i dostoprimechatel'nye mesta, svyazannye s imenem Agvana Dorzhieva [Historical memory: reserved and remarkable places associated with Agvan Dorzhiev]. In: Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: VII Dorzhievskie chteniya. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2018, pp. 189–197. (in Russ.)

20. Mikhalev, M.S., 2023. Zasechnaya cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaya Sibir' i evraziiskaya in-

tegratsiya [Fortified line of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian integration]. Moskva: IKSA RAN. (in Russ.)

21. Mikhalev, M.S., 2023. Tibet v kartine mira kalmykov: ot strany k metafore [Tibet in the Kalmyk worldview: from country to metaphor]. In: Oiraty i Tibet. Istoricheskoe nasledie i sovremennye perspektivy. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vosto-kovedenie, 2023, pp. 287–309. (in Russ.)

22. Namsaraeva, S.B., 2008. Politicheskii aspekt religioznoi zhizni sovremennoi Buryatii [Political aspect of religious life in modern Buryatia]. In: Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnykh narodov Rossii. Moskva: Vostochnaya literatura, 2008, pp. 58–88. (in Russ.)

23. Relikvii Atsagatskogo datsana [Relics of the Atsagat Datsan]. URL: <https://arigus.tv/news/culture/52376-relikvii-atsagatskogo-datsana/> (in Russ.)

24. Rossiya i Tibet: sbornik russkikh arkhivnykh dokumentov, 1900–1914 [Russia and Tibet: a collection of Russian archival documents, 1900–1914]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2005. (in Russ.)

25. Sizova, A.A., 2022. Knizhnoe nasledie Agvana Dorzhieva [Book heritage of Agvan Dorzhiev]. In: Agvan Dorzhiev. Uchenyi i diplomat, prinesshii buddizm v serdtse Rossii. Sankt-Peterburg: Muzei-institut sem'i Rerikhov, 2022, pp. 38–45. (in Russ.)

26. Sipeikin, A.V., 2023. Deyatel'nost' A. Dorzhieva v 1920-e gg. v informatsionnykh dokumentakh OGPU [The activity of A. Dorzhiev in the 1920s as reflected in the reports of the OGPU], Istoriya i arkhivy, no. 2, pp. 37–52. (in Russ.)

27. Sokolova, S.A., 2022. Buddiiskie relikvii kak osnova sozdaniya etnopoliticheskogo mifa: novyi vzglyad na osobennosti religioznogo vozrozhdeniya v Buryatii [Buddhist relics as a basis for the ethnopolitical myth: a new look at the specifics of religious revival in Buryatia], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 23, no. 4, pp. 92–100. (in Russ.)

28. Terent'ev, A.A., 2017. Namnane-lama, uchitel' A. Dorzhieva i S. Tsydenova [Namnane-lama, the teacher of A. Dorzhiev and S. Tsydenov], Trudy Instituta vosto-kovedeniya RAN, no. 1, pp. 227–237. (in Russ.)

29. Tivanenko, A.V., 2017. «Zhelayu sverzheniya Sovetskoi vlasti»: neizvestnye stranitsy iz zhizni Agvana Dorzhieva [«I wish the overthrow of Soviet power»: unknown pages of Agvan Dorzhiev's life]. Ulan-Ude: Bargudzhin-Tokum. (in Russ.)

30. Tishkov, V.A., 2011. Istoricheskaya kul'tura i identichnost' [Historical culture and identity], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 2, pp. 4–16. (in Russ.)

31. Tishkov, V.A. and Shabaev, Yu.P., 2019. Istoricheskaya pamyat': formy sokhraneniya, kon-

struironiia i prezentatsii [Historical memory: forms of preservation, construction and presentation], Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, no. 4, pp. 62–71. (in Russ.)

32.Uspenskii, V.L., 2021. O nesostoyavsheisya missii v Tibet Agvana Dorzhieva v 1928 godu [On Agvan Dorzhiev's failed mission to Tibet in 1928], Mongolica, Vol. 24, no. 2, pp. 52–57. (in Russ.)

33.Hopkirk, P., 2004. Bol'shaya Igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom [The Great Game: on secret service in High Asia]. Moskva: Ripol Klassik. (in Russ.)

34.Tsanid-Khambo Agvan Dorzhiev: dokumental'nyi fil'm (2006) [Tsanid-khambo Agvan Dorzhiev: a documentary (2006)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jni1G78Ydpw> (in Russ.)

35.Shaumyn, T.L., 2017. Rossiya, Velikobritaniya i Tibet v «Bol'shoi igre» [Russia, Great Britain and Tibet in the Great Game]. Moskva: KMK. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2024;
рекомендована к печати 06.11.2024*

